

УДК 81'373.47

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ С. В. ЛАВРОВА)

МУСЛЕХ ХУСАМ А. Р.,
аспирант кафедры иностранных языков,
Российский университет дружбы народов (РУДН)

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются вопросы организации политического дискурса в русском языке. Целью статьи является анализ особенностей стилистических средств русского политического дискурса, используемых с целью воздействия на аудиторию в конкретной политической коммуникации и политической ситуации. Материалом для анализа послужило выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова, который, безусловно, является одним из самых ярких российских политиков современности. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** политический дискурс, персуазивная функция, стилистические средства, дискурсивная гибридность, манипулятивное воздействие.

STYLISTIC MEANS OF INFLUENCE IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE SPEECHES OF THE MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF RUSSIA, S.V. LAVROV)

Husam A. R. Musleh, Palestine, Postgraduate student of the Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

ABSTRACT. The article is devoted to the political discourse organization in the Russian language. The purpose of the article is to analyze the features of the stylistic means of Russian political discourse used to influence the audience in specific political communication and the political situation. The material for the analysis was the speech of the Minister of Foreign Affairs of Russia, S.V. Lavrov, which can be attributed to the number of outstanding Russian politicians of our time.

KEY WORDS: political discourse, persuasive function, stylistic means, discursive hybridity; manipulative influence.

Язык и политика неразрывно связаны друг с другом, поскольку политическое действие – это, прежде всего, речевое действие, которое конституируется в значительной мере с помощью языка.

В данной статье особое внимание уделяется актуальной на современном этапе развития лингвистической науки проблеме исследования политического дискурса. Несомненно, язык в политической коммуникации выступает орудием, с помощью которого достигаются конкретные цели политических деятелей.

Узкого определения политического дискурса придерживается Т.А. Ван Дейк, по мнению которого политический дискурс – это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Ограничивая политический дискурс деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками, ученый подчеркивает его институциональный характер и считает, что дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [10, с. 12–18]. В результате формируется класс жанров, огра-

ниченный политической сферой: это заседания правительств, сессии парламента, съезды политических партий и т.п.

Общественное предназначение политического дискурса, по мнению П. Бойлей, состоит в том, чтобы внушать адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения и побудить к действию [9, с. 104]. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели. Политический дискурс трактуется в исследованиях Е.И. Шейгал как институциональное общение, которое, в отличие от лично ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремией). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста политический дискурс представляет собой феномен, суть которого может быть выражена формулой «дискурс = подязык + текст + контекст» [7, с. 15].

Мысль о том, что язык может являться орудием, впервые была высказана в лингвистике Д. Болинджером, основная идея которого сводится к тому, что, используя особые языковые средства, люди могут

© Муслех Хусам А. Р., 2017

Информация для связи с автором: aroo7_lemeen@windowslive.com

свободно лгать, не боясь быть уличенными в этом [8, с. 63]. В этих же целях можно также рассматривать синтаксис: употреблять предложения с опущенными элементами, например, опуская агенс в пассивных конструкциях, глаголы мнения и другие лексемы, уточняющие данные о мире. Можно лгать, прибегая к риторическим приемам, осуществляя намеренное риторическое запутывание или сбивание с толку, когда вроде бы представляется некоторая информация, но ее трудно уловить во мраке риторической многозначности [8, с. 63–71].

Для того чтобы язык стал орудием в политическом дискурсе, политическая коммуникация должна быть управляемой. Именно поэтому дискурс, обеспечивающий власть, разрабатывается с помощью конкретных технологий. При этом технология (от греч. «*techne*» – «искусство») понимается как некий процесс, ведущий к цели, и рассматривается как средство порождения определенных продуктов (систем, объектов, действий и т.п.) при помощи соответствующих инструментов, машин, механизмов [5, с. 9]. Благодаря использованию конкретных технологий в политическом дискурсе он становится стабильным и прогнозируемым.

Политический дискурс, построенный с помощью конкретных технологий, служит средством достижения стоящих перед политиками целей. Направленность такого дискурса на борьбу с конкурентом делает его «мощным видом вооружения, иногда даже более эффективным, чем обычное оружие» [5, с. 43]. Таким образом, политический дискурс технологичен и, как следствие, манипулятивен по своей природе. В.И. Озюменко отмечает, что «манипулирование массовым сознанием – это реализация стратегии идеологического подчинения, когда доминирующая политическая элита стремится навязать массам определенные взгляды, мнение, отношение с целью получить одобрение своих действий» [4, с. 205]. А согласно Е.И. Шейгал, основное содержание политической коммуникации и политического дискурса сводится к борьбе за власть [7, с. 21].

Политический дискурс как инструмент политической власти ориентирован в современную эпоху на массового адресата, существует в рамках политического контекста и создается с учетом времени, места, направленности его произнесения, передачи по каналам СМИ. Его актуальность для социума, общественных групп, каждого человека и дискурсивного политического процесса определяется политической ситуацией внутри страны и в мире.

В данной статье особенности политического дискурса в русском языке анализируются на материале выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Политическая деятельность С.В. Лаврова отличается яркостью и продуманностью его речей и высказываний. Мировые политологи активно изучают каждое его выступление, так как оно настолько продумано, что каждая фраза может носить характер пророчества.

Результатом планирования речевой коммуникации министра иностранных дел является языковой портрет политика. Деятельность интересующего нас когнитивно-речевого субъекта, как и любого другого представителя политической коммуникации, нацелена, прежде всего, на реализацию персуазивной функции. Воздействие в данном случае носит доминирующий характер и направлено на достижение основной цели политической коммуникации – удержание действующего режима власти.

Политик выступает как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса (Я-индивидуальное, политик – уникальная языковая личность) и как субъект институционального дискурса (Я-социальное, политик – представитель определенного социального института). Он как языковая личность реализует себя в дискурсивных действиях, трансформируясь в дискурсивную личность, которая выявляет свои индивидуальные признаки: этнические, профессиональные, возрастные, гендерные и др. [3, с. 90].

Языковой портрет личности политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности формируются надъиндивидуальные и индивидуальные черты.

Рассмотрим выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО(У) в Москве 1 сентября 2016 года [1]. Анализируемое выступление представляет собой акт-овую речь, то есть речь напутственную [2]. В ходе выступления С.В. Лавров затронул такие темы, как роль МГИМО в подготовке высококвалифицированных специалистов-международников, готовых инициативно, решительно и смело защищать интересы России на мировой политической арене; внешнеполитический многовекторный курс России; российско-китайское стратегическое партнерство; угрозы международного терроризма; украинский кризис; сотрудничество страны с ЕС; санкции против России; однополярность политического мира.

Важнейшей проблемой современности министр иностранных дел считает однополярность политического мира. Говоря об однополярности, С.В. Лавров отмечает: *«Там [на Западе] исходят из того, что они "заказывали музыку" в этом мире несколько столетий. ... По сути дела, они претендуют на "монополию на истину" и используют в этих целях широкий набор, как правило, нелегитимных методов принуждения, неэтичных средств воздействия на партнеров: от переписывания истории, ведения мощных и достаточно агрессивных информационно-пропагандистских кампаний до введения односторонних санкций, от спонсирования государственных переворотов, разжигания региональных конфликтов и до прямого военного вмешательства. ...С такой эгоистичной линией поведения не согласны не только мы»* [1]. Такая открытая позиция показывает С.В. Лаврова как персону, которая может прямо выражать свою позицию, твердо и уверенно её отстаивать.

В тексте выступления отмечено частое использование слов, подтверждающих компетентность и уверенность в себе, своем народе и своих словах министра иностранных дел России: *«сказать громко и открыто», «смею вас заверить», «повторю», «по моему глубокому убеждению», «безусловно», «как я уже сказал».*

Важно отметить, что С.В. Лавров в своем выступлении позиционирует себя как представитель власти, озвучивающий позицию руководства страны и правительства. Таким образом, С.В. Лавров персонифицирует себя как субъекта политического дискурса, являющегося инструментом воздействия «партии власти» на общественное сознание. Именно поэтому речь С.В. Лаврова насыщена лексикой, выражающей активные действия: *«мы должны всей своей историей работать на всех направлениях», «мы продвигаем политику...», «мы уделяем большое внимание», «завтра мы открываем второй Вос-*

точный экономический форум во Владивостоке», «решаем очень важные задачи облегчения гуманитарного положения сирийского населения», «добиваемся скорейшего начала полноценного политического диалога», «наша дипломатия будет по-прежнему инициативно, решительно и, надеюсь, надежно защищать интересы России». Обилие местоимения «мы» характеризует С.В. Лаврова как субъекта институционального дискурса (Я-социальное, политик – представитель определенного социального института).

Лексический аппарат выступления С.В. Лаврова очень богат. Являясь субъектом институционального дискурса, а именно – политического, министр использует большое количество политических терминов: *региональные конфликты, военное вмешательство, санкции, кризис, международное право, терроризм, Евразийское экономическое сообщество, зоны свободной торговли, саммит* и др.

Отличительной чертой речи министра иностранных дел России можно считать использование разговорных языковых единиц, например, слова *шарахаться* (*Мы не собираемся «шарахаться» ни в одну сторону*), что объясняется тематикой выступления и аудиторией, основную часть которой составляли студенты.

В рассматриваемом выступлении используются и средства манипулятивного политического дискурса, которые можно проиллюстрировать на примере слова *«исповедуем»*. «Исповедовать» – открыто признавать что-либо, следовать какому-либо учению, отстаивая свои позиции, убеждения. Данное слово в русском языке относится к разряду книжных и употребляется обычно в религиозном контексте. В выступлении С.В. Лаврова оно придает некий сакральный смысл всему тексту: «Россия – сильное государство, оно *продвигает политику, которая является не раскалывающей мировое сообщество, а объединяющей его, продвигает миролюбивую политику*». Аллюзия с Христом и с его таким запутанным и тернистым, но истинным и верным путем в данном случае вовсе не случайна, а целенаправлена и очевидна: *«...такие подходы, которые мы исповедуем и которые отличаются от подходов, навязываемых через односторонние действия...»*. В качестве манипулятивного средства воздействия на адресатов здесь также используется и контекстная антонимия: лексема высокого книжного стиля «исповедовать», являющаяся в данном контексте экспрессивно-оценочной и выражающая положительную оценку, противопоставлена лексеме с резко отрицательной оценкой – «навязывать». Данный прием используется, на наш взгляд, в выступлениях С.В. Лаврова с целью изменения установок адресата в нужную сторону и создания в сознании реципиентов четкой оппозиции Россия (правое дело, истинный путь, пророк) – Запад, США (зablуждение, сила, навязывание).

В ходе выступления С.В. Лавров часто прибегает к идиомам, которые помогают снизить стилистический регистр выступления: *«разговор с глазу на глаз; заказывали музыку; игра в одни ворота»*.

Как основное средство выразительности в своём выступлении министр иностранных дел выбрал метафору. Ср., например, метафоры *«разжигание региональных конфликтов»*, *Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – «локомотив мирового экономического развития»*, *«на полях Восточно-экономического форума»*. Политические метафоры в выступлении

С.В. Лаврова удачны, емки и уместны. Именно поэтому они являются действенным орудием и средством воздействия на сознание реципиентов.

Как видим, в анализируемом выступлении используются элементы различных дискурсов – политического, бытового, религиозного, что подтверждает мысль С.В. Ивановой о том, что «актовая речь становится гибридным продуктом дискурсивной деятельности говорящего, иначе говоря, гибридным полидискурсивным явлением, то есть таким дискурсивным пространством, которое характеризуется высокой степенью конвергенции диверсифицированных дискурсивных практик» [2, с. 142], то есть жанровый канон для этого типа дискурса размывается.

Рассмотренные стилистические средства, являющиеся средствами манипулятивного воздействия на адресата, способствуют реализации основной речевой стратегии политического дискурса – стратегии удержания власти, а именно информационно-интерпретационной стратегии, для которой характерно информирование адресатов о важнейших событиях экономической и политической жизни. С их помощью выполняются следующие функции и тактики, характерные для политического дискурса:

Речевые **тактики**, используемые в анализируемом политическом дискурсе, таковы:

- манипулятивная тактика;
- тактика оспаривания, то есть обозначение определенной позиции;
- тактика разъяснения, то есть доведение дополнительной информации для полного понимания возникших вопросов;
- тактика комментирования, то есть пояснение смысла высказываний и выражаемых ими понятий;
- тактика единения, которая служит для объединения адресанта с адресатами.

Функции:

- коммуникативная, способствует передаче информации, которая должна повлиять на сознание адресата и изменить картину политического видения мира в сознании получателя информации;
- побудительная, способствующая воздействию на адресатов и его убеждению;
- эмотивная, направленная на возбуждение эмоций адресата, а через его эмоции – на его убеждения и, что немаловажно, действия;
- фактическая, способствует установлению контакта, настрою на восприятие информации (так, например, С.В. Лавров в самом начале своего выступления говорит о том, что МГИМО – это его Alma Mater, таким образом отождествляя себя с сегодняшними студентами университета, с тем сообществом, к которому он обращается).

Таким образом, все выступление С.В. Лаврова направлено на внушение адресатам – гражданам сообщества – мысли о необходимости «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, целью анализируемого политического дискурса является не описание (то есть референция), а убеждение адресата в необходимости «политически верной» оценки ситуации на мировой политической арене, для чего используются как средства прямого, так и манипулятивного убеждения, среди которых стилистические приёмы играют существенную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У) в Москве 1 сентября 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/home>.
2. Иванова, С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика [Текст] / С.В. Иванова // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 141–160.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 477 с.
4. Озюменко, В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии [Текст] / В.И. Озюменко // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 203–220.
5. Плотникова, С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) [Текст] / С.Н. Плотникова. – Иркутск : изд-во ИГЛУ, 2000. – 244 с.
6. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
7. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дисс. ... на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук [Текст] / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 2000. – 440 с.
8. Bolinger D. Language – the Loaded Weapon: the Use and the Abuse of Language Today. L.; N. Y: Longman, 1980. – 214 p.
9. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.V.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. Bologna: CooperativaLibreriaUniversitariaEditrice Bologna, 1985. P.77–174.
10. Dijk T.A. van. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic, Press, 1983. – 413 p.